

проза

*Александр
Ткаченко*

Сон крымчака

Александр Ткаченко (1945) – известный русский поэт и прозаик. Большой популярностью пользуется его не раз переизданная книга «Футболь». (В прошлом он – профессиональный футболист. Играл за симферопольскую «Таврию», ленинградский «Зенит», московское «Торпедо»...) Его произведения переведены на английский, французский, немецкий, испанский, шведский, китайский, финский, венгерский, польский, татарский и др. языки. А. Ткаченко – Генеральный директор Русского ПЕН-центра

К

Карасубазар шумел дневным гвалтом торговли. Стоял густой крымский август, состоящий из плотного солнца, липнущей к босым ногам пыли, скрежета стрижей в низком зеленовато-синем небе. Абрикосы и персики вспухали бутфорскими театральными ранами на столах торговки. Мальчишки с глиняными кувшинами на головах кричали резко и вразнобой: «Вода аянская, холодная вода, аянская»...

Толкотня и суета уже рассасывалась, жара сбивала людей в тенистые каменистые дорожки, протоптанные в разные концы города. И только старый слепой караим, с почти черным от загара лицом и глазами, словно подернутыми пеленой, все стоял под солнцем. К его шее на кожаном тонком ремешке был подвешен таз, наполненный караимскими пирожками. Продавец монотонно приговаривал: «Пирожки караимские, караимские пирожки!» Он так широко открывал рот, что в глубине рта был виден единственный золотой зуб. Караимские пирожки... Сочные, с мясом и петрушкой, запеченными в тесте, пропитанном бараньим жиром... Пирожки продавали многие: и крымчаки, и татары, и греки, но таких вкусных, как у этого караима, не было ни у кого...

– С базара уйдешь, на базар вернешься, на базаре уснешь, на базаре проснешься! Покупайте караимские пирожки, караимские пирожки...

Метеш подошел к караиму, протянул две копейки:

– Дай один, хотя наше чоче лучше, один чоче – и я сыт целый день, а караимских мне надо два-три, слишком много сока пустого...

– Иди-иди. Куда собрался?

– Пойду в театр, никогда не был, говорят, целый день идти надо...

– Иди-иди, только зачем тебе театр на старости лет?

– Он мне приснился – белые колонны, артисты в белых одеждах, полураздетые...

– Ну да, особенно женщины... Метеш, что твоя старуха скажет, когда узнает, что ты был в театре, где...

– Не беспокойся, она не видела моего сна и не увидит...

– А мне расскажешь? На тебе еще один пирожок в дорогу.

– Конечно... Мне ничего не принадлежит вокруг, только бы дойти и вернуться, сутки туда и сутки назад...

– Э, – сказал Караим, – на одном чоче и караимском пирожке не дотянешь... – И он достал пожелтевшую старую газету и завернул туда еще три истекающих жиром пирожка... – Брось в торбу. Деньги не надо, я твою семью, Метеш, хорошо знаю. Вы честные люди...

Метеш пошел прямо на дорогу, ведущую в Акмечеть, столицу, где и находился театр. Он шел по пыльной горячей обочине, ступая босыми ногами, потому что свои белые летние туфли он спрятал в торбу вместе с пирожками и баклажкой холодной воды. Иногда его равнодушно обгоняли телеги и редкие авто. Он оглянулся и увидел, что город, где он родился, вырос и состарился, стал далеким и совсем маленьким. Метеш вздохнул и еще решительней зашагал по своему пути.

Приближалась прохладная крымская ночь. Сверчки и цикады сверлили черное небо, и Метеш видел над собой моргающие большие глаза синих, желтых и зеленоватых звезд. Он свернул с дороги и направился к костру, чуть видневшемуся меж садовых деревьев.

– Ты кто такой и откуда?

– Я Метеш из Карасубазара, иду в Акмечеть. Мне негде переночевать.

– А чего, ложись вон на солому, в которую мы заворачиваем яблоки и груши, и спи себе. Может, хочешь поесть?

– Нет, у меня кое-что есть тут.

– Ну да, знаем. Чоче, да? На, возьми кусок баранины, яблоко, грушу. Спи, а мы еще потолкуем о нашем.

Сборщики заговорили по-татарски, Метеш спокойно улегся на клочках сена и уткнулся лицом в небо.

Утром его позвали к костру, угостили чаем с лепешкой, и он двинулся дальше. Обернувшись, он увидел, как рабочие склонились над ящиками: они укладывали фрукты, обернутые в хрустящую вощеную бумагу, и перекладывали их сеном, на котором он спал.

День начинался ранней жарой, а впереди еще был огромный путь. И Метеш пошел вдоль дороги, надкусывая чоче – это был его завтрак. Чоче – треугольник и дырочка для воды, а вода это жизнь, жизнь; он знал, на что это похоже, и даже слово «чоче» на его родном арамейском языке означало то самое вожаемое место у женщины, но именно сейчас он почему-то очень зримо соединил эти два предмета и с еще большим удовольствием откусил кусок пирожка...

На дороге, точнее на перекрестке, он увидел троих парней, которые сидели на корточках и играли в абдрашик... Он подошел поближе и увидел, как они трясли в горсти высохшие косточки бараньего хвоста и потом выбрасывали их на землю...

– Что, хочешь поиграть, а? У тебя есть чем отвечать?

– Чем-чем, ну, два караимских пирожка...

– Тогда садись, а то мы жрать хотим.

– А вы что ставите?

– А вот видишь что? – и один из парней скрутил дулю.

– Э, так нечестно, не по-нашему.

– А как это по-вашему?

– Не по-человечески играть не будем, а пирожок один на всех я вам дам.

– Э, да мы у тебя заберем все.

– Да берите! Моя жизнь стоит того, чтобы вы съели их и стали добрее. А вы откуда будете?

– Из деревни Саблы.

– Так у меня там друг живет, Ава, он лошадей пасет. Я его мальчиков нянчил, когда они еще голожопиками были...

Парни смутились и сказали:

– Нет-нет, идите своей дорогой, никаких нам пирожков не надо.

– Не надо, а чуть меня не ограбили...

– Да нет, мы играем в честную, просто никто не ходит по этой дороге уже второй день...

– Понял, – сказал Метеш и, положив у ног парней сверток с едой, пошел дальше...

Вдруг за спиной он услышал стук колес по каменистой дороге. Он обер-

нулся, и телега с возницей остановилась.

– Эй, Метеш! Это ты, Метеш? Утром, когда я выезжал из Карасубазара, то караим сказал мне, чтобы я догнал тебя и передал вот это. – В его руках был сверток. – Садись, я еду почти до Акмечети...

Метеш забрался на телегу и уселся поглубже спиной к вознице. В центре на цветастом плетеном коврикe спала молодая женщина, укрывшись летним платком. От подрагивания телеги платок все больше сползал с нее, обнажая ее колени, смуглые и крепкие гладкие руки. Метеш разглядывал ее, пока наконец не увидел красивое лицо со стремительными черными бровями и чуть заметными черными усиками над властной губой. Ресницы во сне сцепились, как два черных цветка лепестками... Она спала, но и во сне источала силу и страсть...

– Кто эта женщина? – спросил Метеш.

– Это не женщина, это младшая дочь.

– Куда ты ее везешь?

– К доктору, тут недалеко...

– Зачем к доктору? Она здорова, как солнечная долина, как море под Судакком...

– Я это знаю, но внутри этой душистой груши завелся червячок...

– И какой же?

– Она влюбилась.

– Что, не в того, в кого хотел ты?

– Именно!

– И, конечно, он бедный?

– Именно!

– И, конечно, не крымчак?

– Именно!

– И, конечно, русский?

– Именно!

– Так это хорошо, у нее будет много детей, и все будут не русские, а крымчаки.

– Именно!

– Нас и так мало осталось на этой земле.

– Именно! Но они нас считают иудеями и...

– А и мы и есть иудеи, и что с того?

Говорим по-татарски, но можем и по-русски.

– Именно! Однажды я слышал, как они шептались за моим домом, и он ей сказал, представляешь: «Ах ты, жидовочка моя!»

– Ну и что с того? Она и есть прекрасная жидовочка.

– Именно! Я и сам это знаю, но он сказал это с каким-то пренебрежением. А он сам знает, кто он? Такой русский – жопа узкий!

– Э-э, перестань, Ако, а если бы он был богатым? – спросил Метеш.

– Тогда другое дело.

– Вот видишь ты какой, дочку готов продать.

– Успокойся, Метеш, я не знаю ни одного богатого русского, они всё пропивают. Э, какие дети? Ты посмотри на нее, я не уверен, что после первого ребенка он сможет сделать ей хотя бы второго. Вот поэтому мы и вымираем.

– Перестань, Ако, наши тоже пьют. Говорят, тоска оттого, что вымирают. Но так не бывает. Все в самом человеке. Мне вот уже за шестьдесят, а я хочу посмотреть театр, может, научусь чему. Знаешь, там такие слова, такие мудрости.

– А, перестань, Метеш! Караим на базаре сказал, что ты поехал посмотреть на голых баб в театре.

– Хотя бы так. Я вообще ни разу там не был, может, там и правда голые бабы говорят мудрые мысли?

– Метеш, где ты видел бабу с мыслями, да еще и голую...

Метеш вдруг заметил, что дочка Ако давно не спит и, прикрыв глаза, слушает разговор.

– Ты скажи, ты что, думаешь, твой доктор поможет, если дочка любит-то? От этого нет таблеток.

– Не знаю. Покажу, посоветуюсь. Может, надавит в нужном месте, потрет... Может, она другого мужчину увидит... А то живет в Карасубазаре, с улицы на улицу ходит, только об одном думает.

– Э, Ако, а ты о чем в ее возрасте думал?

Телега затряслась сильнее, дорога пошла под уклон и лошади взялись в бег...

– О жене своей будущей думал... Э, Метеш, посмотри, какая красавица! Был бы ты молодой – за тебя бы отдал.

Солнце встало во весь рост и припекало невыносимо. Ако остановил лошадей у родничка, и они втроем, умывшись, напившись холодной воды, сели в тени придорожного ореха.

– Дядя Метеш, – сказала Лили (так звали дочь Ако), – мой папа хочет убить меня. Ведь нельзя достать червяка из груши или яблока, не разрезав их...

– Это правда, Лили, но можно дожидаться, когда он сам вылезет изнутри... Обычно это происходит, когда плод перезреет и червяк упадет на землю вместе с ним.

– Ничего твой доктор не сделает, папа, во мне уже живет его ребенок...

Ако от неожиданности просто упал лицом в сухую жесткую траву и тихо зарыдал.

– Я так и знал, я так и знал...

Метеш сидел и ждал, пока Ако успокоится, затем встал, погладил Лили по голове и пошел прямо через степной, пахнувший лавандой и чабрецом холм, беря последнее препятствие перед большим городом. Когда поднялся на холм, он обернулся и увидел вдалеке телегу, возвращающуюся в Карасубазар. Ако сидел на козлах, а его дочь Лили обнимала его за плечи.

– Кто кого успокаивает? – подумал Метеш и улыбнулся своей мысли.

В Акмечеть Метеш пришел около семи. Сев у салгира на камень, он вымыл ноги, надел свои туфли, затем ополоснул лицо и шею, облачился в свежую, пахнущую домашним теплом рубашку. Спрятал мешок со своими пожитками в кустах, чтобы забрать на обратном пути. И вот уже он стоит у кассы и спрашивает самый дорогой билет на самое лучшее место в театре русской драмы.

– Осталось только одно место в амфитеатре, берете?

– Так давайте же скорее. Лопе де Вега! Какой, к черту, русский театр! А вот это да: «Собака на сене»...

И Метеш уселся в кресло среди поразившей его нарядами и запахами городской публики. Наконец все захлопали в ладоши, и тяжелый и неуклюжий бордовый занавес раскрылся медленно и торжественно...

– А я-то думал, что он поднимается вверх, как юбка у женщины, когда...

И на этой мысли Метеш уснул – уснул решительно, как человек, прошедший по солнцепеку сорок километров. Вернее, он даже не спал, а впал в состояние между жизнью и сном. Он не храпел, потому что тогда бы его разбудили, он не привалился к чужому плечу, ибо тогда его бы разбудили. Он просто застыл на стуле в позе человека, сидящего в театре. Он ничего не слышал и ничего не видел. И вышел из этого состояния, только когда-то потряс его за плечо. Спектакль закончился, почти все ушли... Метеш встал, бодро зашагал к выходу и прошел через весь город Акмечеть с веселой, дружелюбной, о чем-то возбужденно толкующей толпой.

Наконец он остался один, и перед ним тихо струился тот же салгир. Метеш быстро отыскал свой мешок, переделался и медленно двинулся по дороге на Карасубазар. На следующий день после полудня он был уже дома на базарной площади. Караим стоял на своем месте и тут же дал ему пирожок.

– На, подкрепись. Ну, как театр, расскажи...

Метеш раскрыл рот, чтобы сказать правду, но неожиданно для себя произнес:

– Все было так, как мне приснилось...

– Я так и думал, – сказал караим, – ни стыда, ни совести...

– Да, – сказал Метеш, – куда катимся?

И пошел домой.